

Персональная идентичность, благополучие и персональная социальная безопасность¹

Левтерова Дора Стоилова
Пловдивский университет «Паусий Хилендарски», Болгария
Пловдив, dlevterova@gmail.com

В статье рассматриваются измерения и последствия динамики персональной идентичности и ее интеракции с социальной безопасностью. Основные задачи анализа — измерение факторов, влияющих на персональную идентичность и субъектное переживание социальной уверенности. Источниками данных для анализа являются результаты от проведенных многочисленных глубинных интервью и групповых дискуссий в сотрудничестве с GConsulting в рамках проекта «ДТК 02/8 Персональная и национальная идентичность и социальная среда», который финансируется Фондом научных исследований МОН.

Ключевые слова: персональная идентичность, актуальная и ретроспективная идентичность, социальная безопасность.

Процессы глобализации и интеграции в экономике создают барьеры для социального обеспечения как для отдельного человека, так и для огромного числа людей. Причины могут определяться в сторону увеличения безработицы и бедности, неопределенности на работе и динамической характеристики рабочих ситуаций, неиспользования человеческого потенциала для экономического развития, увеличения дохода, физического и психического здоровья, безопасности труда, резкого изменения в системе ценностей. Только «здоровый экономический рост рассматривается как естественная основа для социального обеспечения и развития, социальной кохезии общества» [2]. При нестабильной социальной безопасности меняется и персональная идентичность из-за когнитивного диссонанса и из-за обострения когнитивных противоречий до степени «необходимости» в его преодолении, и внезапного изменения мотивационных аспектов деятельности. Если социальная безопасность не на высоте, персональная идентичность блокируется. Ей остается выход или в сторону изменения или потери. Актуальная персональная идентичность трансформируется в ретроспективную личностную идентичность.

Основной тезис

Проблемно-теоретические основы психологического конструкта «персональная идентичность» известны и ясны, но также настолько ши-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ДТК 02/8/2009 «Персональная и национальная идентичность и социальная среда», Фонд научных исследований, МОН.

роки, что являются обобщающими в социальной теории идентичности и в теории идентичности. Если в социальной теории идентичности деперсонализация и самооценка принимаются в качестве основных конструкций, то в теории идентичности самокатегоризация и самоэффективность рассматриваются также как основные структуры. Однако и в обеих теориях принимаются два компонента: когнитивный и мотивационный, связанные с персональным благополучием, счастьем и удовлетворенностью жизни (в том числе работа, семья и выполнение социальных ролей). Интегральная характеристика личностной идентичности в этом плане неизбежно связывается с социальным обеспечением, которое не имеет групповых и социальных ограничений, а его универсализм и право определения связаны с покрытием всех социальных рисков. В этом плане персональная идентичность может пройти динамическое развитие с изменением социально-экономических условий. Изменение осуществляется в первую очередь в схеме — ретроспективной и актуальной идентичности. Чем чаще изменение экономических условий и социального обеспечения, тем нестабильнее и колеблющейся является персональная идентичность.

Модель исследований

Цели исследования связаны с целью определения динамики идентичности; видов идентичности; детерминирующих факторов персональной идентичности; существование де-идентичности или ре-идентичности и если да, то каковы причины; возрастные периоды ретроспективной идентичности и влияние ее актуальной идентичности и изменения в социальном мире и возраст; конструкция и реконструкция мета-идентичности; интеракции «персональная идентичность и персональная социальная безопасность».

Задачи исследования — установление проявления ретроспективной и актуальной идентичности и интеракции с социальной безопасностью.

Методология включает:

— многочисленные глубинные интервью 60 человек старше 18 лет, представители различных поколений, социальных групп, уровня образования (среднее, высшее). Метод позволяет выявлять конкретные специфические аспекты персональной идентичности и не-персональной социальной уверенности;

— качественные исследования в форме групповых дискуссий продолжительностью 1:30 мин.

Участники исследования — 60 человек в возрасте 20—80 лет распределены в три возрастные группы: I группа 20—35 лет, II группа 35—50 лет, III группа 50+ лет. Из них 55 исследованы от GConsulting, а 5 в рамках проекта. Место исследования города София и Пловдив.

Результаты

Методологическая рефлексия на основе собранного материала позволяет выявить и проанализировать следующие результаты.

Из многочисленных глубинных интервью:

— результаты показывают множество различных жизненных стратегий и индивидуальных жизненных траекторий. Объединяющим ядром являются личные концепции благополучия, понимающиеся как позитивное функционирование и персональная социальная безопасность; воспринимаются как положительная операция и личностная социальная уверенность. В качестве его ключевых атрибутов респонденты включают хороший жизненный стандарт (личный, стандарт домохозяйства и часто стандарт, который распространяется на кого-то из близких);

— респонденты из всех возрастных групп выявляют желания, намерения (в том числе и реализованные) для повышения уровня жизни. Молодые респонденты проявляют претензии и существенность собственного уровня, в то время когда у старших преобладают требования и реализация высокого уровня семьи/и/или домашнего хозяйства, хорошего /но невысокого/ стандарта жизни некоторых из близких людей. Все те, кто проходил интервью, стремятся к хорошему жизненному уровню, претензиям к гармоничным межличностным отношениям /в семье и кругу друзей/ и к работе. Хороший жизненный уровень базируется на основе наличия работы, сохранения рабочего места, личного имущества, хорошей гармоничной семьи.

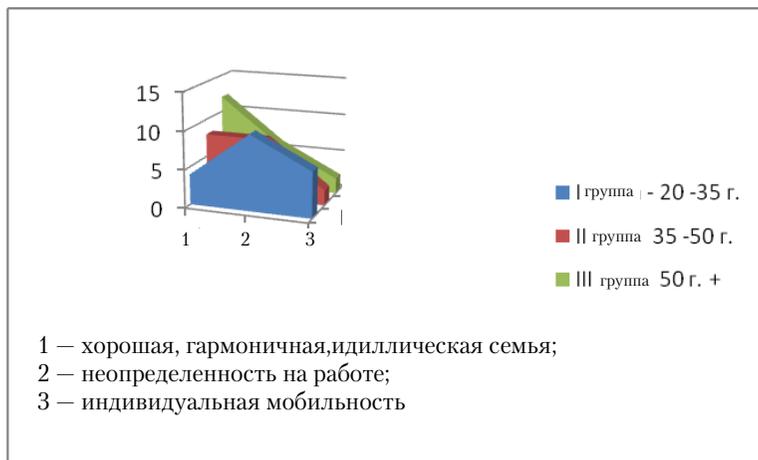

Диаграмма 1. Аспекты жизненного стандарта

Интересный результат в трех возрастных группах (на диаграмме 1) — это низкое проявление индивидуальной мобильности работы, которое преодолевает неопределённость сохранения работы. Логично, что в трех возрастных группах отмечены различия. Вторая и третья группы имеют меньше всего шансов проявить индивидуальную мо-

бильность в плане работы, но и в аспектах хорошего жизненного стандарта полагают претензии гармоничной семьи. Персональная идентичность является стабильной и связывается в основном с традиционными болгарскими приоритетами семьи. Между тем вероятны потери рабочих мест, проектируется как негативный фактор для сохранения хорошего жизненного уровня. Аналогичные данные были установлены С. Ковачевой [3].

- Хорошая семья (в которой супруги имеют сходные ценности и их индивидуальные жизненные стратегии согласуются с другими; как и беспроблемные дети).

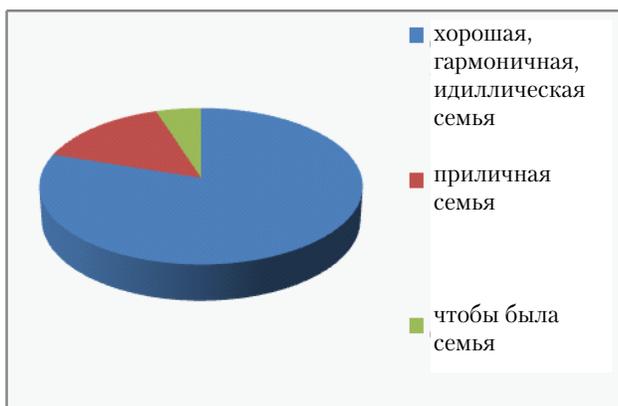

Диаграмма 2. Результаты претензии по запросу о семье

Ансамбль данных (диаграмма 2) показывает преобладающее желание хорошей, гармоничной и идиллической семьи и в единичных случаях желание достойной семьи; в единичных случаях безразличие и непредвиденные обстоятельства («Все равно. Иметь семью»).

- Здоровье всех близких (даже если один из них серьёзно болен), удовлетворенность трудовой/ профессиональной реализацией.

Респонденты склонны использовать в своей речи (формальность и неформальность), на первый взгляд, шаблонные фразы о здоровье, счастье, удовлетворенности, благополучии, уверенности. Но часто за этими языковым этикетом скрыта целая жизненная философия. Различия в этих философских моделях очень большие. Больше сходство открывается вокруг личных концепций благополучия.

Несмотря на то что высказанные мнения участников не отличаются терминологическими тонкостями, посредством использованного метода они рефлексивно отражают когнитивные, эмоциональные и мотивационные аспекты собственного представления о благополучии. Несомненно, есть и прецеденты. Минималистами достаточным условием благопо-

лучия может считаться любовь и/или любовь одного человека /мнение: «Если меня любит любимый человек, то для меня это достаточно. Мне не надо ничего больше»/ или здоровье («Тот, кто пережил тяжёлую болезнь, и в каком-то смысле ведёт вторую жизнь, он учится ценить больше всего здоровье. Быть здоровым означает, что ты полноценный человек. У кого оно есть, его не ценят, а гонятся за другими ценностями. Но здоровье самое главное, что у нас есть»). Очень редко, но встречаются ответы респондентов, которые связывают благополучие с материальным (финансовым) измерением. (Чтобы были у меня деньги», «Богатые правят миром»). Другая значительная группа респондентов расширила границы своего личного богатства далеко за рамками личного (и его семьи) мира. В интервью появляются заявления: «О каком благополучии можно говорить, когда люди вокруг вас все отчаянные, а друзья строят планы о загранице», «Мероприятия, подобные тем, что в арабском мире и Японии убивают меня. Личное благополучие является фантастикой в таких обстоятельствах. Даже, неприлично думать о нём». «Благополучие это когда тебя окружают улыбающиеся, счастливые и добрые люди. А не злобные, готовые пройти через трупы к успеху, молодые мальчики и девочки, благополучные киски». Трудно найти общее между минималистом и максималистом. Это различные мировые ценности, которые вынуждены существовать в мире, где ценностная система — шаткая и где не хватает законных стандартных норм и образцов.

Не менее индивидуализированы к несоизмеримости — это личностные версии о том, что есть счастье, что делает его возможным для распознавания, когда оно к нам пришло. Для респондентов первой группы, которые не так уж и рефлексивны, счастье является высшей степенью благополучия, которая гармонирует с миром их самой смелой мечты для себя, собственные достижения и притяжения. «Счастье — иметь работу и большую зарплату». «Счастье — иметь свой собственный дом». «Высокий жизненный уровень — счастье».

Счастье является опытом полноты бытия, гармонии между тем, что я есть и что я имею с тем, что я хочу быть и иметь. С возрастом появляется тенденция к тому, что счастье есть нечто более приземленное, доступное, короткое, почти мгновенное, в котором тебе раскрывается радость своей жизни. «Для меня счастье не является редкостью, как огромные позитивные эмоции, труднодостижимые и из-за этого оно не является сверхценностью. Счастье для меня это внезапная радость маленьких событий, мелочи ... Насладиться пением птиц в природе в один прекрасный день, поиграть с внучкой, прочитать хорошую книгу на одном дыхании...», «Способность радоваться мелочам в жизни, это счастье ...», «Это те моменты, когда ты находишь самого лучшего в себе. Когда ты возвращаешься к себе». Субъективное чувство о счастье демонстрируется в различных модуляциях на разных возрастных этапах.

- Свобода/независимость от неконтролируемых факторов окружающей среды.

Следует отметить, что у респондентов из первой возрастной группы преобладают взгляды и представления о свободных и независимых решениях и деятельности («Надо контролировать свою жизнь. Не буду работать за маленькую сумму денег», «Я должна делать свою жизнь, а не так как получится»), в то время как у респондентов из второй и третьей групп наблюдается ностальгия о прошлом, которая выражается через сильную осведомленность о силе социальных и профессиональных норм. Нормы ограничивают, но без них невозможно жить. («Я стал мудрее, отзывчивее. Важно иметь работу». «Каждое действие имеет причину. Предпочитаю молчать, и буду иметь спокойную работу», «Люди творят вещи случайно, но хранят свой хлеб». «Если у меня есть высокооплачиваемая работа, то я независима». «Эмоции увеличивают расход энергии, а надо работать, чтобы прокормить свою семью»). Приверженность к работе является одним из компонентов персональной идентичности, но через профессиональную занятость увеличивается чувство уверенности и безопасности. Чувство безопасности путем удовлетворения от работы является предиктором счастья.

У респондентов третьей возрастной группы появляются сообщения, связанные с эмоциональной, когнитивной и материальной зависимостью от своих детей. («Если у меня не было детей... не с кем общаться/быть в состоянии выжить с этой пенсией (зарплатой)», «Чем я могу помочь детям — помогаю, у меня есть время, но они помогают мне материально», «Если раньше, 10 лет назад, я заботился о них (детях), то теперь они заботятся обо мне». «Жду, когда дети найдут время чтобы встретиться и поговорить, чтобы наслаждаться жизнью»). В социальных ситуациях, где недостаточна профессиональная занятость или нежелательная трудовая деятельность, ориентация людей останавливается на досуге. В экспертированных мнениях этого рода у людей старше 50 лет появляется памятная трансляция актуальной персональной идентичности к ретроспективной идентичности. Но актуальная идентичность устанавливает определённые условия для социальной безопасности.

Чем больше увеличивается возраст, тем больше проявляется социальная незащищенность, потому что уменьшается независимость от факторов окружающей среды. Снижается важность работы, меняются мотивационные измерения и поведенческие проявления, связанные с персональной идентичностью. Аттitudные детерминанты определены неопределенной гарантией против потенциальных рисков и вызовов. Неопределенность в отношении самоэффективности в связи с финансовыми и/или профессиональными обязательствами является даже сильнее, чем безработица («Когда я был молодым, я не волновался, что я был безработный»).

- Хорошие друзья (выраженные позиции — «на которых можешь рассчитывать не только для развлечения, но и в трудные минуты»).

Все респонденты включают как аспект благополучия и уверенности наличие хороших друзей (100 %). Личная стратегия подчиняется нравственным ценностям (62 %). Но также небольшой процент (38 %) появляется в отрицание дружбы («В наше время нет друзей») или столкновение нравственного понимания («Друзья важны, но они меня используют»).

- Ощущение, что проживаешь свои дни честно/справедливо и уверенно.

В персональной идентичности ярко проявляется моральная идентичность. Оценка субъективного благополучия требует нравственной оценки личной жизни, включая полюса настроения, решение моральных дилемм и персональную социальную безопасность.

- Уважение (почему и не любовь) тех, кто важнее для меня.

Триада персональной идентичности-благополучия-личностной социальной уверенности формируется в контексте социальной значимости и усилена в эмоциональном пространстве.

- Удовлетворение собой, которое достигнуто достижениями.

Социальная уверенность также связана и с удовлетворенностью персональными достижениями и моделями поведения. Среди выраженных ответов респондентов для анализа выбрано следующее отличительное мнение. «Если я потеряю своё самоуважение, а это со мной случается после каждого компромисса или провала, но все другое у меня есть, я раздавлена, но меньше от себя самой... не остается и воспоминание о благополучии». Основные вопросы, которые возникают в связи с этим мнением: когда и при каких обстоятельствах теряется самоуважение. В интерпретации можно выразить два аспекта — профессиональный и личностный. «В контексте профессиональной занятости на передний план появляются все три основные направления идентификации и направленность личности — организация, конкретная работа и карьера» [4]. Занятость конкретной работой формируется на основе мотивации, карьерное развитие связано с презентацией актуальных способностей и возможностей для раскрытия личностного потенциала, а организация обеспечивает условия для осуществления работы и получения удовольствия от её атмосферы. В личностном плане самоуважение может потеряться при нарушении собственных социальных ценностей и самоэффективности. Поведенческие намерения, исполнение деятельности и результаты от определенной деятельности — это разные конструкты в процессе становления личностной индивидуальности. Если они вступят в конфликт, возможно и появление де-идентичности. Удовлетворенность собственными достижениями и отдельные аспекты жизни являются основой персональной идентичности. Но персональная иден-

тичность остается актуальной в контексте социального сравнения. С одной стороны, удовлетворение от продемонстрированных способностей и достижений является преимуществом в пространстве тех аспектов деятельности, которые могут контролироваться и в этом смысле являются социально защищенными. Персональная социальная уверенность показана как неотменяемый элемент персональной идентичности. С другой стороны, самоперцепция индивидуального признания зависит от мотивации и способности реализующей деятельности, дифференциации работы и личной жизни, социального статуса и самоопределения к ним. Возникают новые реляции к конструктам персональная идентичность и социальная безопасность:

Соблюдение баланса в диаде работа — семья/ личная жизнь. Персональная идентичность в процессе сохранения баланса между работой и семьей может формировать свою динамику и развитие в соответствии с различными социальными ситуациями, социальными ролями, исполнением и требованием профессионального и семейного контекста. В этом аспекте личностная индивидуальность может войти в позицию диффузии или моратория и начать теряться и видоизменяться. Тогда наступает конфликт в самоверификации, самооценки и самокатегоризации. Это и есть конфликт, который демонстрируется как конфликт между работой и семьей. Актуальная персональная идентичность сталкивается с повышающимися требованиями социальной идентичности.

Социальный статус может дифференцироваться как достигнутый и приписанный. Достигнутый социальный статус связан с личными качествами и достижениями. Легко вписывается в самоопределение и в персональную идентичности, потому что является осознанным от своего носителя и признанным другими участниками и социальными актерами в социальной ситуации. Перед нами представлена актуальная персональная идентичность, потому что присутствуют сильные мотивационные, когнитивные и эмоциональные компоненты. «Приписанный социальный статус определяется семейным происхождением, образованием, полом, профессией, возрастом, социальными связями и контактами» [4]. Этот вид социального статуса имеет ограничение множественной идентичности, связанной с семейным, профессиональным и личностным контекстом. Персональная идентичность флуктуацирует в соответствии с требованиями тех, кто приписывают статус. При приписывании социального статуса персональная идентичность находится в диффузии или мораториуме. В этом плане приписанный социальный статус может демонстрировать недобросовестность, нелояльность, нечестность даже к приписывающим статус. Приписанный социальный статус привносит сильные личные амбиции в качестве элементов персональной идентичности. Неистовая защита настоящей и перспективной персональной социальной безопасности является сильно выраженной при

приписанном социальном статусе даже ценой аморальных поступков, независимо от качеств и способностей.

Из групповых дискуссий

В качестве одной из основных ценностей, отмеченных всеми респондентами, независимо от возраста, пола, определяется здоровье. Оно является бесспорной ценностью, но реальное осознание его важности, как правило, приходит после преодоления его потерь — как личный опыт или потеря близких и важных людей (диаграмма 3).

Благополучие связано с наличием внешних факторов, которые определяют его наличие или отсутствие. В качестве благополучия определяются полная эмоциональная удовлетворенность, наличие стабильных связей и отношения с близкими людьми, здоровье, финансовая стабильность, успешная профессиональная реализация. Благополучие также связано со стабильностью, предоставленной социальной средой. Отсутствие такой стабильности создает сильный дискомфорт и ощущение неуверенности респондентов и они даже испытывают отсутствие счастья.

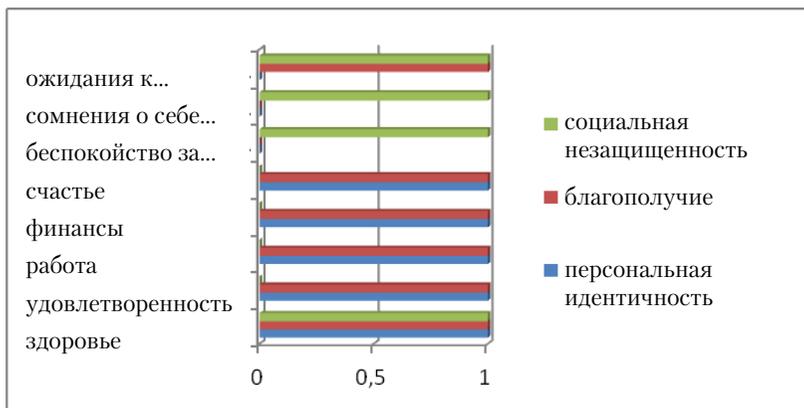

Диаграмма 3. Результаты для компонентов в пространстве «социальная незащищенность-благополучие-персональная идентичность»

Несчастье связывается прежде всего с ощущением скуки, эмоциональной уязвимости, бессилием. Несчастье может быть вызвано потерей любимого человека или социальной стабильности (социального статуса и финансовой стабильности). Несчастье у более взрослых респондентов может вызваться и осведомленностью о прошлом, ностальгией ко всему, что уже не может повториться, и незнанием того, что предстоит (старость, болезнь, смерть).

В плане экспериментов с социальными ролями меньшинство респондентов делятся опытом. Для младших подобные эксперименты но-

сят в себе своего рода агрессию или провокацию поведения. Для молодых людей подобные эксперименты ассоциируются с бегством от себя самого и не-самовыражение реальной личностной сущности. Эксперименты с социальными ролями проводятся целенаправленно, они мотивированы желанием достигнуть определённого результата и обусловлены необходимостью сменить стандартный подход для выражения истинного Я, который не ведет к результату.

Беспокойство является одним из наиболее частых проявлений состояния и характерно для каждого из респондентов независимо от возраста. В основном беспокойство спровоцировано внешними факторами — беспокойство по отношению к близким, финансовое состояние, профессиональная занятость, социальная и общественная среда. Преодолеть беспокойство можно только путем смены личной позиции или отношением к персональной идентичности или путем смены отношения к провокатору беспокойства.

Сомнения — другой важный компонент в восприятии себя и жизни. Сомнения направлены как по отношению к себе, так и по отношению к другим и глобальнее к социальной и общественной среде. Мнительность и недоверие по отношению к другим являются неизбежной частью при общении с другими.

Общение само собой нагружено ожиданиями и в то же время самые большие ожидания — это ожидания по отношению к семье и близкому окружению. Несмотря на осознание тяжести, которое носит в себе ожидания, они определяются как необходимость, которая присутствует в любом общении.

Ожидание по отношению к близким — это безусловная любовь и поддержка. Потеря и разлука с важными людьми и вещами — одна из самых больших проблем, которая стоит перед каждым человеком. Все респонденты делятся ощущением боли при разлуке, гневе и отказе от ситуации. Те, которые прошли через разлуку, связанную со смертью, делятся, что в подобных ситуациях важно принимать объективную действительность и позицию кармы и судьбоносности. Потеря принимается как возможность создания внутренней силы и укрепления воли.

Ретроспективная индивидуальность респондентов прямо обусловлена как возрастом, так и тем, что успели достичь в жизни к данному моменту. Более молодые респонденты воспринимают себя скорее всего комично в прошлом. Их ожидания направлены к будущему и к тому, что оно им предоставит. У молодежи прошлое является маленькой ступенькой к взрослой жизни, к развитию себя и отношению к жизни, к накоплению опыта и осведомленности, которая реализуется в настоящем или в будущем. Молодые люди определяются как безотказные, неориентированные, без ясной цели и направления, но также и как-то спокойнее и беззаботнее. Типично для обеих групп (взрослые) является ощущение

большого опыта и значимости, который они получили на протяжении многих лет. С возрастом появляется какое-то более сильное ощущение для себя, более высокая степень самоосознавания, а также и беспокойство в отношении будущего. Среди людей в возрасте старше 50 лет проявляется большая ностальгия о прошлом, об ощущении счастья, которое воспринимается скорее всего как что-то, которое за ними, нежели как предстоящее. Ощущение спокойствия и удовлетворенности при взгляде назад прямо связано со стабильной и успешной профессиональной и личной (эмоциональной) семейной реализацией. Для анализа выбраны цитаты из проведенных качественных исследований: «Теперь я амбициознее, мотивирована для развития», женщина 20–35 лет; «Раньше я думал, что жизнь мне должна, а сейчас я осознаю, что я ей должник», мужчина 20 лет; «сейчас я стала ответственнее, тогда я была беззаботная, потому что у меня не было семьи и семейных обязанностей», женщина 20–36 лет; «раньше я была беззаботнее, веселее, спокойнее», женщина 20–35 лет; «Я был очень безотказным, больше развлекался, чем занимался своим самообразованием», «Но тогда и цели у меня были другие, как и у каждого молодого человека», мужчина 20–35 лет. Ясно демонстрируется поколенческая рефлексия, которая поменяла когда-то былую актуальную идентичность в сегодняшнюю ретроспективную индивидуальность. Меняется и ощущение счастья и благополучия. Среди самых важных индикаторов счастья люди выделяют эмоции, любовь, гармонию, на втором месте — осознание правильной социальной и желанной позиции, потом следуют семья, друзья, партнеры. Индикаторы благополучия и удовлетворенности жизнью меняют порядок и прибавляют новые аспекты — на первом месте это семья и партнер, далее достижения поставленных жизненных целей (включительно и карьерное развитие) и в самом конце — хорошее положение в обществе, которое определяет и включает финансовую стабильность [1].

Заключение

Результаты и их обсуждения демонстрируют сильное интерактивное взаимодействие: персональная идентичность, благополучие и персональная социальная безопасность. Несмотря на то что в исследовании недостаточно представительная выборка, мнения и желания участников показаны двумя методами, которые дают основание утверждать, что:

— персональная идентичность стоит перед угрозой беспокойства о фамильной и социальной неуверенности;

— существуют сомнения по поводу своих сил и способностей, чтобы справиться с социальной и/или рабочей ситуацией и субъективным смыслом, которые эта ситуация определяет для индивида;

— ожидания к другим людям, тянутся к эмоциональной и социальной поддержке, и через неё персональной индивидуальности в различных жизненных контекстах;

- ретроспективная индивидуальность респондентов прямо обусловлена возрастными факторами, факторами социальной и общественной среды;
- актуальная персональная идентичность всегда носит памятные следы ретроспективной персональной идентичности;
- персональная идентичность соответствует постоянно и интенсивно актуальным и ожидаемым социальным статусом, благополучием и социальной безопасностью.

Бесспорно, в представленном материале не могут определиться траектории всех интеракций персональной индивидуальности, благополучия и персональной социальной уверенности. Но категорически ясно, что изучение и интерпретация существующих реляций, детерминант и специфик улучшит как психическое здоровье и благополучие отдельного человека, так и обеспечит необходимый уровень персональной социальной уверенности. Необходимы также и новые научные инвестиции в изучении и приложении этих конструктов интердисциплинарного познания в реальных условиях глобального кризиса.

Литература

1. *Бакрачева М.* Маргарита Бакрачева, научен сътрудник в Института по психология в БАН [Интервью] // Vseki den. 2010. URL: <http://www.vsekiden.com/70039> (дата обращения 27.05.2013).
2. *Владиминова К.* Управлението на човешките ресурси в развитие: от един от ресурсите до стратегически фактор за успеха // Човешки ресурси, бр.9/159/(2006), с. 24–26.
3. *Илиева С.* Ценности и трудова мотивация. София: Университетско издателство Св. Климент Охридски. 2009.
4. *Ковачева С.* Нарастващата несигурност на работата и нейното отражение върху качеството на труд и живот // Икономически измерения и социални последици на глобалната криза. Пловдив: Университетско издателство «Паисий Хилендарски». 2012. с. 168–180.

Personal identity, prosperity and personal social security²

Levtterova Dora

*Plovdiv University «Paisii Hilendarski»
Bulgaria, Plovdiv, dlevterova@gmail.com*

The paper reviews measurements and consequences of personal identity dynamics as well as its interaction with social security. Major

² The study was финансирана within the project DTK 02/8/2009 «Personal and national identity and social environment» funded by Research Foundation MOMN.

tasks of analysis are measurement of factors influencing on personal identity and subjective experience of social confidence. Sources of data for analysis encompass results of taken in-depth interviews and group discussions collected together with GConsulting within the project «DTK. Personal and national identity and social environment» funded by Research Foundation MOMN.

Keywords: personal identity, actual and retrospective identity, social security

References

1. *Bakracheva M.* Margarita Bakracheva, nauchen s»trudnik v Instituta po psikhologiya v BAN [Interv'yu] // Vseki den. 2010. URL: <http://www.vsekiden.com/70039> (data obrashcheniya 27.05.2013).
2. *Vladimirova K.* Upravlenieto na choveshkite resursi v razvitie: ot edin ot resursite do strategicheski faktor za uspekha // Choveshki resursi, br.9/159/(2006), s. 24–26.
3. *Ilieva Sn.* Tsennosti i trudova motivatsiya. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo Sv. Kliment Okhridski. 2009.
4. *Kovacheva S.* Narastvashchata nesigurnost na rabotatai neynoto otrazhenie v»rkhu kachestvoto na trud i zhivot // Ikonomicheski izmereniya i sotsialni posleditsi na globalnata kriza. Plovdiv: Universitetsko izdatelstvo «Paisiy Khilendarski». 2012. s. 168–180.